

Замечание Цзи Ло о том, что от Хан Сиэня за версту веет жаждой крови, вовсе не было преувеличением или пустой попыткой нагнать страху.

С незапамятных времён смертоносной силой обладали не только воины, охраняющие рубежи Поднебесной. Ядовитые речи вельмож, острые перья законников — это невидимое оружие в определённые моменты разило куда сильнее и изощрённее, нежели калёная сталь боевых генералов.

Разумеется, Цзи Ло не считал поведение Хан Сиэня на сегодняшнем утреннем собрании жестоким. Напротив, когда тот безжалостно сорвал лицемерные маски с придворных чинуш, наследный принц испытал глубокое, почти детское удовлетворение. Будь у него такая возможность, он и сам устроил бы нечто подобное.

Беда лишь в том, что Цзи Ло, в отличие от Хан Сиэня, слишком дорожил приличиями и положением.

Преградив дорогу молодому маркизу, наследный принц преследовал одну цель. Хан Сиэнь всегда славился своей дерзостью и своеобразием, однако на людях держался подчёркнуто бесстрастно. Сегодня же даже слепец заметил бы, как тот разъярён. Цзи Ло всерьёз опасался, не стряслось ли у друга нечто непоправимое.

Принц долго ждал ответа, но Хан Сиэнь словно не замечал его. Его тяжёлый, угрюмый взгляд застыл на собственной правой ладони — так пристально и мрачно, будто эта рука принадлежала его злейшему врагу и её следовало немедленно отсечь.

Почувствовав неладное, Цзи Ло сделал шаг вперёд:

— Что с твоей рукой? Почему ты так на неё смотришь?

Только тогда Хан Сиэнь соизволил заметить собеседника. Медленно опустив руку вдоль тела, он смерил принца косым, не сулящим ничего хорошего взглядом и процедил:

— Если Ваше Высочество питает такую слабость к чужим рукам, вы вполне можете приказать отрубить парочку по красивее и любоваться ими в своих покоях хоть круглые сутки.

Цзи Ло опешил от столь резкой и нелепой отповеди. Впрочем, это лишь подтвердило его догадку: Хан Сиэнь пребывал в отвратительном расположении духа. Похоже, сегодня он был готов вцепиться в глотку каждому, кто попадётся под руку, невзирая на чины и прежнюю дружбу.

Обладая на редкость отходчивым и мягким нравом, Цзи Ло лишь снисходительно улыбнулся:

— Чужие конечности меня мало прельщают. Мне гораздо интереснее узнать, кто сумел так знатно вывести тебя из равновесия.

Хан Сиэнь не удостоил его ответом. Он сухо, по всем правилам этикета поклонился и пошёл прочь. Наследный принц лишь покачал головой, глядя ему вслед. В сущности, догадаться, кто именно растревожил покой молодого маркиза, было нетрудно.

Однако расспрашивать дальше Цзи Ло не стал. Лезть в чужие сердечные дела не в его привычках. К тому же по лицу Хан Сиэня было ясно видно, как глубоко он презирает любые попытки нарушить границы его личного пространства.

С такими людьми лучше всего держать дистанцию — вежливую и безопасную.

Покидая императорский дворец, Хан Сиэнь напрямик направился в свои владения. Бай Шу сегодня тоже нёс службу во дворце, так что столкнуться с ним у ворот шансов не было.

Это обстоятельство принесло молодому человеку мимолётное облегчение. И дело было вовсе не в неловкости — Хан Сиэнь попросту не желал видеть Бай Шу. Если говорить начистоту, едва в его голове прояснилось, он горько пожалел о вчерашней минутной слабости.

Его вызывающее поведение на утренней аудиенции во многом объяснялось глухим, kloпочущим внутри гневом. Им с Бай Шу не следовало переступать эту невидимую черту. Хан Сиэнь прекрасно понимал, что после трёх попыток самоубийства его рассудок дал глубокую трещину, но менять что-либо в себе не собирался.

Вот и сейчас, осознавая свою ошибку, он знал: если он хочет уберечь Бай Шу от пагубной привязанности, ему следовало бы прогнать его, выказать холодное презрение. Бай Шу, каким бы упрямым ни был, не станет терпеть рядом с собой чудовище, изо дня в день источающее яд.

Но Хан Сиэнь не станет притворяться. Он привык поступать так, как вздумается, повинуюсь лишь мимолётным порывам. Раз уж в его душе нет истинной неприязни к Бай Шу, кривить душой он не станет. Какая бы пропасть ни разверзлась между ними теперь, ломать свой характер в угоду обстоятельствам маркиз не собирался.

Занятый этими сумбурными мыслями, Хан Сиэнь небрежным жестом подозвал к себе одного из гвардейцев:

— Отправляйся на невольничий рынок. Купи слуг. Подыщи кого-нибудь с хорошими кулинарными навыками. На их прошлое и характер мне плевать.

Гвардеевец ошеломлённо уставился на господина, силясь понять, не шутит ли тот. В знатных

домах при найме челяди благонадёжность и кроткий нрав всегда ценились превыше всего. Какой прок от смазливой улыбки или кулинарного таланта, если слуга окажется вором или соглашательщиком?

Однако, встретившись с равнодушным взглядом Хан Сиэня, воин понял: приказ отдан всерьёз. Мысленно вздохнув о причудах богачей, он поклонился. Разумеется, слепо исполнять столь странную волю барина он не собирался — втайне гвардеевец твёрдо решил отобрать самых тихих и верных людей.

Хан Сиэнь проводил его взглядом, оставшись вполне доволен его реакцией. Благодаря своим способностям он мог не опасаться чужого коварства, но если бы слуга действительно притаился в дом первого попавшегося проходняка, маркиз избавился бы от такого нерадивого подчинённого при первом же удобном случае.

Этот случай невольно заставил его вспомнить об Ань Цао. Из всех, кто когда-либо прислуживал ему, этот парень подходил на роль личного помощника лучше всего. Однако у Ань Цао были свои амбиции. Пройдя через горнило жизни и смерти, он не желал до конца дней оставаться безликим лакеем. Парень решил пробивать себе дорогу в армии Сицзяна, начав с самых низов, и Хан Сиэнь, никогда не преграждавший чужому счастью дорогу, оставил его в Сицзяне.

Отослав гвардейца, Хан Сиэнь с ледяной маской на лице велел созвать всех служанок, присланных из дворца императором.

— Всыпать тем двум, что вчера готовили купальню и стелили постель, двадцать ударов палками, — бесстрастно скомандовал он.

Девушки онемели от ужаса. Поймав на себе его мертвенный, тёмный взгляд, они поняли, что пощады не будет. Их жалобные мольбы и плач разбились о каменное равнодушие хозяина — экзекуция началась без промедления.

Пока в поместье Вечного Покоя царила зловещая тишина, нарушаемая лишь глухими ударами палок, на душе у Бай Шу скребли кошки. Весь день он ходил сам не свой, пребывая в полузабытии. В его мыслях крутился лишь один вопрос: почему Хан Сиэнь позволил этому случиться? Неужели в его холодном сердце наконец затеплилось ответное чувство?

Его рассеянность была настолько очевидной, что привлекла внимание сослуживцев. Императорская гвардия переглядывалась, обмениваясь многозначительными смешками. Слухи о том, кем именно приходится этот безродный юнец молодому маркизу Хань, уже давно расползлись по столице.

Многих благородных воинов задевало то, что брат покойного генерала Бай занял столь тёплое место при дворе лишь благодаря покровительству влиятельного фаворита. Вчерашний урок

усвоили не все, и к вечеру парочка заносчивых гвардейцев решила проверить новичка на прочность.

Однако уязвлённый своими мыслями Бай Шу сегодня был не в настроении миндальничать. Действуя на чистых рефлексах, он орудовал тренировочным копьем с такой сокрушительной и яростной силой, что забияки лишились дара речи.

Поняв, что за мечтательным видом скрывается свирепый зверь, остальные гвардейцы поспешили умерить свой пыл. Смирились ли они с его присутствием в душе? Вряд ли. Но лезть на рожон больше никто не отваживался.

Разумеется, тайная близость Хан Сиэня и Бай Шу не могла долго оставаться секретом для императора.

Донос пришёл незамедлительно — одна из подаренных служанок поспешила исполнить свой долг перед короной. Весть о том, что маркиз посреди ночи требовал горячую воду, а на шелковых простынях остались недвусмысленные следы бурной страсти, легла на стол государя.

Пробежав глазами строки донесения, император помрачнел. Перед его мысленным взором вновь встал образ покойного Ван Ина, чьи черты унаследовал Хан Сиэнь. Мысль о том, что этот юноша делит ложе с безродным воином, отозвалась в груди правителя тупой, болезненной ревностью. Он швырнул бумагу в жаровню, глядя, как пламя пожирает донос.

Стоявший подле трона евнух Юань Бао лишь тихо вздохнул.

«И зачем только изводить себя понапрасну? — сокрушался старый слуга. — Сердцу не прикажешь, да и маркиза Хань не заставишь плясать под чужую дудку. Зачем лишний раз беречь старые раны?»

Однако император Великой Чжоу не привык сдерживать свои порывы. Его уязвлённое самолюбие требовало выхода, и удар пришёлся на тех, кто был ближе всего к источнику его раздражения.

Спустя час из дворца выехал гонец с императорским указом. Наследнику поместья герцога Хань, молодому Хань Юэвэню, повелевалось вступить в законный брак с Чжао И, сыном-гэером помощника министра доходов Чжао Куаня, в течение одного месяца.

Когда этот указ зачитали в поместье герцога Хань, у госпожи Лю потемнело в глазах. Ещё недавно сын убеждал её отказаться от мысли извести этого злосчастливого гэера, но смириться с тем, что этот калека станет хозяином её дома, она не могла. И всё же спорить с волей

императора — верная смерть. Стиснув зубы, Лю принялась готовить свадебные дары. Поскольку брак одобрялся свыше, поспустить на свадебный выкуп было нельзя, дабы не навлечь гнев государя.

Сам помощник министра доходов Чжао Куань, чьё сердце до сих пор покалывало после утренней трёпки, устроенной Хан Сиэнем на совете, принял весть с тихим ужасом. К счастью, его нынешняя супруга оказалась женщиной практичной. Быстро смекнув, куда дует ветер, она приказала собрать для Чжао И приданое такой щедрости, чтобы ни одна живая душа в столице не посмела упрекнуть их семью в скупости или пренебрежении к пасынку.

Хан Сиэню до этих дворцовых интриг не было никакого дела.

Он стоял на крыльце, наблюдая, как слуги уводят избитых, бледных как полотно служанок. Из двух наказанных девушек лишь одна была шпионкой императора, вторая же пострадала за длинный язык — накануне она имела глупость обсуждать ночные происшествия со своей товаркой. Хан Сиэнь намеренно наказал обеих, чтобы посеять между ними семена взаимного недоверия.

Пусть император отслеживает каждый его шаг — Сиэню плевать. Но совать нос в его постель он не позволит никому.

Проводив девушек ледяным взглядом, маркиз негромко произнёс:

— В этом доме мне нужна лишь преданность. Те, кто любит чесать языком за спиной хозяина, здесь не задерживаются. Скажите спасибо, что я сегодня добр. В следующий раз я просто прикажу скормить вас собакам.

Служанки, трясаясь от страха, повалились в ноги, не смея поднять глаз. Хан Сиэнь лишь брезгливо отвернулся. Ему было глубоко безразлично, что они о нём думают. Главное — страх надёжно свяжет им языки.

Бай Шу вернулся в поместье Вечного Покоя, когда сумерки уже окутали сад густой синевой. Весь путь от дворца он гадал, как встретит его Хан Сиэнь. Скорее всего, тот запрётся в своих покоях или притворится спящим, лишь бы избежать разговора. Но отступать юноша не собирался. Пусть Сиэнь гонит его — он всё равно найдёт способ пробиться сквозь ледяную стену.

Каково же было его удивление, когда, войдя во внутренний дворик, он увидел Хан Сиэня. Тот сидел за небольшим столом под раскидистым деревом и неторопливо ужинал в полном одиночестве.

Бай Шу не удержался от улыбки. Сбросив напускную суровость, он смело подошёл ближе, опустился на свободный стул напротив маркиза и жалобно вздохнул, потирая живот:

— Хан Сиэнь... Я так проголодался.

Прислуживающая у стола горничная, ещё не отошедшая от дневного наказания подруг, замерла, боясь вздохнуть. Она испуганно переводила взгляд с молодого воина на хозяина, ожидая новой вспышки гнева.

Хан Сиэнь медленно отставил пиалу с бульоном, скользнул по лицу Бай Шу равнодушным взглядом и едва заметно кивнул служанке.

Та с облегчением поклонилась и бросилась на кухню. Спустя пару минут перед Бай Шу уже стоял дымящийся ужин.

Глядя на гору еды, Бай Шу просиял такой чистой, открытой улыбкой, словно в этот хмурый вечер над поместьем Вечного Покоя вновь взошло солнце.

<http://bllate.org/book/20088/2002105>